

Это была лишь мимолётная и едва уловимая улыбка, но на лице Му Цинмянь, отражённая в глазах Янь Лян, она казалась непревзойдённой красотой, с которой никто в мире не мог сравниться.

Янь Лян застыла, замороженная. В этой жизни она впервые видела, как улыбается Му Цинмянь. Та всегда скрывала все свои чувства глубоко внутри, не позволяя им проявиться на лице. Хотя Янь Лян, благодаря связи, протянувшейся через две жизни, была опытнее и проницательнее других и улавливала малейшие перемены в её настроении, она редко видела, чтобы Му Цинмянь проявляла эмоции так открыто.

Теперь всё её существо заполнила одна мысль: её сестра Мянью, улыбаясь, прекраснее всех на свете.

Му Цинмянь, как всегда, не заметила ничего необычного в поведении Янь Лян. В её глазах заблестели нежные и радостные искорки.

— Я узнала точные новости о Седьмой принцессе, — сказала она.

Янь Лян:

— ...?

Что?

На лице Янь Лян отразились искренние невинность и любопытство.

— Сестра Мянью, что же ты узнала?

— Принцесса в полном порядке, — с облегчением и удовлетворением в голосе ответила Му Цинмянь. — Как ты и говорила, она благополучно вернулась из Императорской усыпальницы во дворец. Ей даже посчастливилось получить во сне рецепт эликсира от покойной вдовствующей императрицы, что привлекло внимание императора, и теперь она в милости.

Янь Лян серьёзно кивнула.

— Вот как! Это замечательно.

Она лично подтверждала: все новости правдивы.

— Сестра Мянью, ты встретила кого-то из столицы? — наклонив голову, спросила Янь Лян. — Они рассказали тебе об этом?

Янь Лян понимала: сейчас она выглядит как ребёнок, и, хотя за это время Му Цинмянь узнала о её необычных способностях, первое впечатление всё же оставалось сильным. К тому же Му Цинмянь была особенно обеспокоена делами Седьмой принцессы, и просто её слов было недостаточно, чтобы поверить полностью.

Но Янь Лян нужно было выяснить, откуда эти вести дошли до её сестры Мянью. Как так вышло, что именно в те несколько дней, когда она временно отсутствовала, Му Цинмянь всё узнала? И почему информация оказалась настолько детальной, но при этом не содержала ни единого лишнего слова, создавая впечатление, будто принцесса по-прежнему живёт в безопасности и милости во дворце?

Янь Лян опустила веки, скрывая промелькнувший в глазах холод.

Кто стоит за всем этим и с какой целью приближается к её сестре Мянью?

Му Цинмянь, ни о чём не подозревая, покачала головой.

— Не совсем из столицы.

К какой земле принадлежит Башня Ста Путей, до сих пор не было определённого мнения. Гу Пиньтин, прощаясь с Му Цинмянь, настойчиво просила не распространяться о ней. Му Цинмянь не была человеком, склонным ко лжи, поэтому выбрала путь умолчания.

Янь Лян заметила, что её сестра Мянью не хочет продолжать разговор, и покорно позволила ей проверить свой пульс и состояние.

Му Цинмянь несколько раз скорректировала рецепт, основываясь на пульсе Янь Лян, и через три дня, к вечеру, передала ей окончательный вариант, подробно объяснив, как принимать снадобье.

— Завтра утром я отправляюсь в путь, — сказала Му Цинмянь. Это звучало как прощание.

Она получила от Гу Пиньтин не только новости о Седьмой принцессе, но и кое-что ещё. Об этом не было нужды рассказывать Янь Лян, но Му Цинмянь уже приняла решение и хотела как можно скорее тронуться в дорогу, чтобы подготовиться к встрече с принцессой.

Как и ожидала Му Цинмянь, после этих слов Янь Лян словно поникла, её лицо выражало грусть и нежелание расставаться.

— Сестра Мянью уезжает завтра утром?..

Му Цинмянь не могла смотреть на это, поэтому, коротко кивнув, повернулась и направилась в свою комнату.

На следующее утро предстоял долгий путь, и она рано погасила свет, ложась спать. Но, пролежав в постели с закрытыми глазами долгое время, всё никак не могла заснуть.

...Ей постоянно вспоминалось выражение лица Янь Лян, полное грусти и нежелания расставаться.

— Тук. Тук. Тук.

Раздался лёгкий, но настойчивый стук в дверь.

— Сестра Мянью, — тихим голосом, который не разбудил бы её, если бы она спала, но был достаточно громким, чтобы услышать наяву, произнесла Янь Лян, — можно войти?

Му Цинмянь:

— ...

Она поднялась с кровати и открыла дверь.

На пороге стояла Янь Лян с распущенными волосами, в ночной рубашке, прижимая к себе подушку. Она смотрела на Му Цинмянь с мольбой в глазах.

— Сестра Мянью... — с лёгкой дрожью в голосе, словно извиняясь, произнесла она, — сегодня я

не могу заснуть одна...

Янь Лян крепче прижала к себе подушку, которая казалась слишком большой для её хрупкого тела, и с надеждой в глазах спросила:

— Сестра Мянью, можно я сегодня посплю с тобой?

Му Цинмянь:

— ...

Она вздохнула и, отступив в сторону, дала Янь Лян войти.

— Заходи.

Глаза Янь Лян сразу загорелись.

— Сестра Мянью самая лучшая!

Му Цинмянь наблюдала, как девочка быстро прошла в комнату, положила подушку на кровать, а сама закрыла дверь и вернулась к ложу.

Му Цинмянь думала, что Янь Лян ляжет внутрь кровати, ведь она была ребёнком, и так было бы безопаснее. Но Янь Лян покачала головой, настаивая, чтобы Му Цинмянь легла внутрь.

— Мне ночью нужно вставать, — с серьёзным видом выдумала она причину, — снаружи будет удобнее.

У Му Цинмянь не было привычки вставать по ночам, поэтому она, подумав, согласилась.

Одеяло было одно, но Янь Лян была такой худенькой, что его хватало на двоих.

Когда они временно жили в соломенной хижине на окраине Городка Абрикосового Цвета, Му Цинмянь, как пациентку, разместила Янь Лян на кровати в маленькой комнате, а сама спала на полу в основной части дома. Во-первых, кровать была слишком тесной, а во-вторых, они тогда ещё не были близки, поэтому не спали вместе.

На самом деле, Му Цинмянь всегда была человеком, привыкшим к одиночеству. Её родители умерли, когда она была совсем маленькой, и рядом не было родственников, к которым можно было бы обратиться. В памяти Му Цинмянь, за исключением очень далёкого детства, никогда не было таких близких контактов с другими людьми.

Не тех контактов и заботы, что необходимы при лечении пациентов, а обычного, повседневного желания быть рядом с кем-то, делить с ним постель.

...Да, желания.

Возможно, она уже привыкла к этой привязчивой девочке, потому что Му Цинмянь обнаружила: у неё нет ни малейшего сопротивления к тому, чтобы Янь Лян спала рядом.

Даже больше...

В свете мягкого лунного света Му Цинмянь слегка повернула голову, чтобы посмотреть на Янь Лян. Девочка лежала на боку, лицом к ней, на расстоянии примерно в полфута, с закрытыми

глазами. Её дыхание было ровным, казалось, она уже спала.

Кроме того раза в хижине на окраине Городка Абрикосового Цвета, когда Янь Лян показала своё настоящее лицо, она всегда была в маскировке. И сейчас — тоже.

В прошлой жизни Янь Лян уже достаточно настрадалась из-за своей внешности, и, хотя сейчас её черты ещё не полностью сформировались, она всё же предпочитала скрывать их, чтобы избежать лишних проблем.

Му Цинмянь, глядя на это обычное лицо, почувствовала... странное умиротворение.

Как будто эта маленькая девочка, лежащая снаружи, несмотря на свои скромные размеры, могла стать для неё защитой от всех жизненных бурь.

У Му Цинмянь не было ни малейшего сопротивления этому, даже наоборот — она чувствовала радость, соглашаясь на это.

Это чувство было для неё новым, но приносило облегчение, словно долго блуждавший корабль наконец нашёл пристанище.

Глаза Му Цинмянь медленно закрылись.

Сон, который так долго не приходил, наконец окутал её, как только Янь Лян оказалась рядом.

На следующее утро.

Му Цинмянь открыла глаза, ещё не полностью очнувшись от сна.

<http://bllate.org/book/16273/1465095>